

Фрэнк
Герберт

FRANK
HERBERT

THE GODMAKERS
THE EYES OF HEISENBERG
THE HEAVEN MAKERS

Фрэнк
Герберт

ГЛАЗА
ГЕЙЗЕНБЕРГА

СОЗДАТЕЛИ БОГОВ
ГЛАЗА ГЕЙЗЕНБЕРГА
НЕБЕСНЫЕ ТВОРЦЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г37

Серия «Мастера фантазии»

Frank Herbert
THE GODMAKERS
THE EYES OF HEISENBERG
THE HEAVEN MAKERS

Перевод с английского

Художественное оформление обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg

Герберт, Фрэнк.

Г37 Глаза Гейзенберга : [сборник : перевод с английского] /
Фрэнк Герберт. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 512 с. —
(Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-161104-0

Фрэнк Герберт (1920-1986) — американский писатель-фантаст, автор знаменитой фантастической саги «Хроники Дюны», переведенной на десятки языков и завоевавшей по всему миру миллионы поклонников. Однако творческое наследие автора не ограничивается этой прославленной эпопеей, автор создал множество других произведений в жанре НФ, пользующихся заслуженной любовью читателей.

В предлагаемый сборник вошли романы «Создатели богов», «Глаза Гейзенберга» и «Небесные творцы».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Herbert Properties, LLC, 1966, 1968, 1972
© Перевод. А. Курышева, 2022
© Перевод. Г. Шокин, 2023
© Перевод. Ю. Каллистратова, 2023
Школа перевода В. Баканова, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

СОЗДАТЕЛИ БОГОВ

Глава первая

Необходимо понимать, что мир — явление внутреннее. Мир должен быть результатом самодисциплины — индивида или целой цивилизации. Должен проистекать изнутри. Если мы наделим правом насаждения мира некую внешнюю силу, со временем она начнет становиться все более могущественной — у нее просто не будет альтернативы. Неизбежными последствиями станут взрыв, катастрофа и хаос. Таков закон нашей вселенной. Создавая пару противоположностей, следует ожидать, что в отсутствие хрупкого равновесия между ними одна в конце концов поглотит другую.

— *Из сочинений Дианы Буллон*

Чтобы стать богом, живому существу необходимо выйти за пределы физического. Три этапа, из которых состоит этот процесс, хорошо известны. Первый: ему необходимо осознать тайную агрессию. Второй: распознать цель в животной форме. Третий: испытать смерть.

После этого новорожденный бог должен обрести перерождение в уникальной инициации, через которую он найдет того, кто его призвал.

— *«Создание бога», Амельский настольный справочник*

Льюис Орн не мог вспомнить поры, когда бы ему не снился странный, изо дня в день повторяющийся сон — поры, когда он мог отправиться спать со спокойной уверенностью, что безумное ощущение реальности этого сна не вцепится ему в душу.

Сон начинался с пения — слащавого невидимого хора, сиропа для ушей, небесной шутки. Из музыки появлялись дымчатые фигуры, добавляя визуальные образы, от которых оставалось такое же ощущение.

Наконец всю эту чепуху перекрывал голос, изрекающий тревожные восклицания вроде: «Богам не рождаются, их создают!»

Или: «Заявить о своей нейтральности — всего лишь способ признаться, что принимаешь необходимость войны!»

С виду Орна едва ли кто-то принял бы за человека, которого могли преследовать подобные сны. Это был коренастый юноша с плотными мышцами уроженца тяжелой планеты — он родился

на Чаргоне, что в Джемме, — квадратным бульдожьим подбородком и пронзительными глазами, от взгляда которых собеседникам часто становилось неудобно.

Несмотря на это странное обстоятельство или, быть может, благодаря ему, он исправно отдавал почести Амелию — «планете, где обитает вся божественность». Восклипания из сна, ни на миг не оставлявшие мыслей Орна даже наяву, побудили его утром девятнадцатого дня рождения записаться в Службу переобнаружения и переобучения, целью которой было вновь объединить галактическую империю, раздробленную Рубежными войнами.

По окончании учебного курса в великой Школе мира на Мараке, одним облачным утром ПП оставила Орна на меридианной долготе и сороковой параллели недавно переобнаруженной планеты Хамал, терратипичной до восьми знаков после запятой, население которой было достаточно близко к генетическому дрейфу гомо-С для скрещивания с коренными жителями Сердцевинных миров.

Через десять хамальских недель, стоя на краю крохотной пыльной деревушки где-то в северной части Центрального нагорья планеты, Орн нажал экстренную кнопку маленького зеленого сигнального устройства, спрятанного в правом кармане куртки. В тот момент он остро осознавал, что является единственным на Хамале представителем службы, агенты которой периодически исчезают по «неустановленным причинам».

Его рука потянулась к сигнальному устройству, когда он увидел, как примерно три десятка хамалян с хмурой задумчивостью пялятся на товарища, который только что споткнулся и благополучно плюхнулся на пятую точку прямо в кучу мягких фруктов.

Ни смеха, никакой заметной смены эмоций.

Вкупе со всеми другими подмеченными деталями случай с падением во фрукты укрепил ауру обреченности, окружавшую Хамал.

Орн вздохнул. Дело сделано. Он отправил сигнал в космос, запустив цепочку событий, которая могла окончиться уничтожением Хамала или его самого, или того и другого вместе.

Как ему открылось позднее, с этого момента он избавился от навязчивого сна. Но сменившая его вереница реальных событий со временем навела Орна на мысль, что он в действительности оказался в загадочном мире своих сновидений.

Глава вторая

Религия требует существования множества дихотомических отношений. Ей требуются верующие и неверующие. Те, кому известны тайны, и те, кто лишь страшатся их. Посвященные и непосвященные. Бог и дьявол. Абсолюты и относительность. Бесформенное (но находящееся в процессе формирования) и то, что уже обрело форму.

— *«Религиозная инженерия», тайные писания Амеля*

— Сейчас мы создадим бога, — сказал аббод Халмирах. Это был невысокий темнокожий мужчина в бледно-оранжевом одеянии, мягкими складками ниспадавшем до шиколоток. На его узком, гладком лице выделялся длинный нос, нависавший, будто утес, над широким ртом с тонкими губами. Коричневая лысая макушка казалась отполированной до блеска.

— Мы не знаем, из какого существа или предмета родится бог, — добавил аббод. — Им может оказаться даже кто-то из вас.

Он обвел жестом послушников, сидевших на голом полу в спартански простом зале, освещенном косыми лучами утреннего амельского солнца. Помещение представляло собой защищенную приборами и заклинаниями пси-крепость, двадцать метров в длину и ширину, три — в высоту. Одиннадцать окон — пять с одной стороны и шесть с другой — выходили на увитые зеленью крыши центрального жилого комплекса Амеля. Стены за спиной и напротив аббода были сложены из белого камня, испещренного коричневыми линиями, похожими на дорожки насекомых — то была часть устройства пси-машины. Стены мерцали холодным белым светом, водянистым, словно стерилизованное молоко.

Чувствуя, как струится сила между двумя этими стенами, аббод ощутил вспышку вины и страха. Он знал, что ученики разделили с ним это предчувствие. Формально курс назывался «религиозная инженерия», но юные ученики настаивали на том, чтобы тщеславно именовать его «созданием богов».

И они уже достаточно продвинулись в обучении, чтобы понимать опасность.

— Все, что я говорю и делаю, тщательно спланировано и рассчитано, — продолжал аббод. — Случайное влияние здесь губительно. Именно этому служит намеренная простота зала. Малейшее вторжение чего-либо необычного может внести непредсказуемые изменения в то, что мы делаем. И потому я говорю, что любой из вас, кто пожелает сейчас покинуть комнату и не участвовать в создании бога, не должен стыдиться своего поступка.

Послушники заерзали под своими белыми одеждами, но никто не воспользовался этим предложением.

Аббод ощутил легкий укол удовлетворения.

Пока происходящее держалось в рамках его предсказаний.

— Как мы знаем, опасность создания бога заключается в успехе. В науке о пси успех такого порядка, на который мы рассчитываем в этой комнате, несет в себе фундаментальную отраженную угрозу. Мы на самом деле создаем бога и, сотворив его, парадоксальным образом создадим то, что уже не будет являться нашим творением. Мы вполне можем сами стать созданием того, что создали.

Аббод кивнул себе под нос, задумавшись о случаях создания богов в истории человечества: диких, рациональных, примитивных, изощренных... но всегда непредсказуемых. Неважно, как он был сотворен — бог всегда идет собственной дорогой. К божественным прихотям нельзя относиться легкомысленно.

— Бог каждый раз заново появляется из хаоса, — продолжал аббод. — Мы этого не контролируем; мы лишь знаем, как создать бога.

Он чувствовал, как во рту накапливается сухое электричество страха, как вокруг растет необходимое напряжение. Бог должен возникать частично из страха, но не из него одного.

— Мы должны благоговеть перед своим творением, — сказал он. — Должны быть готовы обожать, слушаться, молить и покоряться.

— «Обожать и слушаться», — пробормотали ученики по его подсказке. Благоговение исходило от них волнами.

«О да, — подумал аббод: бесконечные возможности и бесконечная опасность, вот где мы сейчас оказались. Ткань нашей вселенной вплетена в эти мгновения».

— Сначала мы вызываем к существованию полуформу, агента того бога, которого собираемся создать. — Он поднял руки и рассек поток силы, струящийся между двумя стенами, рассыпав по залу маленькие вихри.

В движении он ощутил одновременность, временной разрыв в своей вселенной, и внутреннее осознание образов рассказало ему о трех вещах, происходящих разом. Перед мысленным взором встало видение — его собственный брат Аг Эмолирдо, длинноносый, похожий на птицу человек, залитый бледным светом, стоит на далеком Мараке и беспричинно рыдает. Это видение перетекло в образ руки, один из пальцев которой вдавливал кнопку в корпус маленькой зеленой коробочки. В это же мгновение аббод увидел, как сам стоит с поднятыми руками, а из пси-стены позади него выходит шриггар — смертоносный чаргонский ящер.

Послушники ахнули.

С томной медлительностью ужаса аббод опустил руки и повернулся. Да, это был настоящий шриггар — существо столь высокое, что в этой комнате ему приходилось пригибаться. Из коротких лап торчали огромные острые когти. Узкая голова с раскрытым крючковатым клювом, в котором виднелся раздвоенный язык, повернулась налево, потом направо. Стебельчатые глаза вращались, дыхание наполнило комнату болотным смрадом.

Внезапно клюв захлопнулся: «Клац!»

Когда он открылся снова, из него раздался голос: низкий и бестелесный, он звучал без всякой синхронизации с пастью и языком шриггара.

— Бог, которого вы создаете, может умереть при рождении. Подобные вещи происходят в свой срок и своими путями. Я стою на страже в полной готовности. Будет война, и будет город из стекла, где строят свои жизни существа с высоким потенциалом. Будет время для политики и время жрецам возбояться последствий своей дерзости. Все это должно миновать ради достижения неведомой цели.

И шриггар стал медленно растворяться — сначала голова, потом огромное тело, покрытое желтой чешуей. Там, где он стоял, собралась лужа теплой коричневой жидкости и потекла по залу, мимо ног аббода, мимо сидящих послушников.

Никто не смел шевельнуться. Все знали, что нельзя добавлять в уравнение случайную силу, пока не иссякли последние вспышки пси.

Глава третья

Любой, кто хоть раз чувствовал, как по коже бегут мурашки от электризирующего осознания невидимого присутствия, познал первичное ощущение пси.

— *Халмирах, аббод Амеля, «Пси и религия», предисловие*

Стискивая руки за спиной так, что костяшки пальцев побелели, Льюис Орн мрачно смотрел из окна второго этажа на хамальское утро. В безоблачном небе поднимался над далекими горами огромный желтый шар солнца. День обещал быть жарким.

За спиной раздавались царапающие звуки стилуса, которым оперативник Бюро по Контролю и исправлению делал на трансляционной бумаге заметки о только что проведенной беседе. Бумага передавала записанные слова на ожидающий его корабль.

«Ну, допустим, я зря нажал экстренную кнопку, — думал Орн. — Но у этого умника нет никакого права меня драконить! В конце концов, это мое первое задание. Нельзя ожидать, что я справлюсь идеально в первый же раз».

Скрип стилуса начинал действовать на нервы.

Квадратный лоб Орна прорезали тревожные складки. Опершись левой рукой на грубую деревянную раму окна, правой он взъерошил жесткую щетину коротко стриженных рыжих волос. Свободный покрой белого форменного комбинезона — стандартной одежды агентов ПП — подчеркивал его коренастое сложение. Широкое лицо Орна налилось кровью. Он чувствовал, что колеблется между гневом и желанием дать волю своенравному характеру, который обыкновенно держал в узде.

«Если я ошибся насчет этого места, меня выкинут со службы. Между Контролем-исправлением и ПП слишком много тёрков. Этот болван из КИ был бы рад выставить нас дураками. Но, клянусь богом, если я прав про Хамал, им придется попрыгать!»

Орн тряхнул головой.

«Хотя, наверное, я все-таки ошибся».

Чем дольше он об этом думал, тем отчетливей ему казалось, что было глупо вызывать КИ. Население Хамала, скорее всего, неагрессивно по природе. Очень вероятно, нет никакой опасности того, что ПП предоставляет технологическую базу для вооружения потенциальному разжигателю войн.

И все же...

Орн вздохнул. Его не отпускало туманное, расплывчатое беспокойство. Чувство напоминало момент перед пробуждением, когда мозг затопляет смутное осознание происходящего и действие, мысль и эмоция сливаются в одно.

Кто-то грузно спустился по лестнице на другом конце дома. Пол под ногами Орна затрясся. Здание было старое — казенная гостиница, сложенная из грубых бревен.

В комнате стоял кислый запах множества прошлых жильцов и неряшливой уборки.

Из окна второго этажа Орн видел часть мощеной булыжником рыночной площади деревни Питсибен. За нею можно было разглядеть широкую полосу гребневой дороги, поднимавшейся с равнин Рогга. По ней тянулась двойная цепь подвижных фигурок: это крестьяне и охотники шли на питсибенский рынок. Над дорогой висела янтарная пыль, слегка размазывая пейзаж и придавая ему романтическую мягкость.

Крестьяне ступали по дороге тяжело, покачиваясь в такт шагам и склонившись вперед, к ручкам своих низких двухколесных тачек. Они были одеты в длинные зеленые пальто, желтые береты, одинаково заломленные на левое ухо, желтые штаны с манжетами, потемневшими от дорожной пыли, и открытые сандалии, из которых торчали узловатые пальцы, растопыренные, будто лапы ездовых животных. На их тачках высились горы зеленых и желтых овощей, словно специально выдержанные в той же пастельной цветовой гамме.

Охотники в коричневых костюмах двигались в ногу с вереницей, но держались сбоку, будто охраняли фланг. Они вышагивали, высоко подняв головы, покачивая перьями на кепках. На одной руке каждый нес под захватским углом ружье с раструбом, а на левом плече болталась подзорная труба в кожаном чехле. За охотниками семенили их ученики-помощники с трехколесными тачками; оттуда свешивались крохотные болотные олени, пятнистые

утки и порджо — змеехвостые грызуны, которых хамаляне считали деликатесом.

В отдаленном устье долины Орн видел темно-красный шпиль корабля КИ, спустившегося на планету в клубах пламени сегодня сразу после рассвета по сигналу его передатчика. Корабль тоже как будто окутывала сонная дымка — его очертания скрывались в голубом дыму, который исходил от кухонных печей крестьянских домишек, рассыпанных по долине. Красная громада корабля висела над домами, нелепая на их фоне, словно елочная игрушка, забытая великанами после праздников.

На глазах у Орна один из охотников помешкал, достал трубу и пригляделся к кораблю КИ. Судя по виду, он испытывал лишь легкое любопытство. Такое поведение не вязалось ни с какими ожиданиями; оно просто-напросто ни с чем не вязалось.

Клубы дыма и жаркое желтое солнце, словно сговорившись, придали сельскому пейзажу летний вид — пышная зелень за марево пастельной жары. По большому счету, сцена была мирная, и глубоко в душе Орна всколыхнулась горечь.

«Проклятье! Плевать мне, что говорят КИ. Я правильно их вызвал. Эти хамаляне что-то скрывают. Никакие они не мирные. Ошибку совершил не я, а тот тупица, который первым вошел с ними в контакт и начал разливать про то, какое огромное значение мы придаем мирной истории!»

Тут до Орна дошло, что скрип стилуса затих. Сотрудник КИ прочистил горло.

Орн развернулся и посмотрел в другой конец комнаты.

Агент КИ расположился за грубым столом подле не заправленной постели Орна. По столу перед ним были разбросаны бумаги и папки. На одной из стопок лежало миниатюрное записывающее устройство. КИшник сидел, сгорбившись, на массивном деревянном стуле.

Это был большеголовый долговязый человек со слишком крупными чертами лица, грубой обветренной кожей, растрепанными темными волосами и оплывшими веками. Они придавали его лицу выражение надменного высокомерия, которое словно было обязательным для всех сотрудников КИ. Агент носил перелатанную синюю полевую форму без знаков отличия. При встрече он представился как Умбо Стетсон, глава оперативников КИ в этом секторе.

«Глава оперативников, — подумал Орн. — С чего бы им посылать сюда высокое начальство?»

Стетсон заметил, что на него смотрят, и заговорил:

— Полагаю, большую часть мы уяснили. Давай только проверим еще раз на счастье. Ты сел здесь десять недель назад, верно?

— Да. Меня спустили на шлюпке с транспортного корабля ПП «Арнеб редискавери».

— Это было твое первое задание?

— Я уже говорил. Я закончил Уни-Галакта с выпуском 07-го года и прошел стажировку на Тимурлене.

Стетсон нахмурился.

— А потом они послали тебя прямо сюда, на эту недавно переобнаруженную захолустную планету?

— Все так.

— Ясно. И ты отправился, весь полный ПэПэшного духа, этакого миссионерского желания послужить на пользу человечеству и все прочее.

Орн покраснел, потом насупился.

Стетсон кивнул.

— Вижу, в старом добром Уни-Галакта по-прежнему учат чепухе про «культурное Возрождение». — Он положил руку на сердце и заговорил карикатурно воодушевленным голосом: — «Наша миссия — воссоединить потерянные планеты с центрами культуры и промышленности и возобновить славное шествие человечества, столь безжалостно прерванное Рубежными войнами!»

А потом сплюнул на пол.

— Думаю, все это можно опустить, — пробормотал Орн.

— Тут ты о-о-очень прав, — сказал Стетсон. — Так, ну и что ты привез с собой на этот очаровательный курорт?

— У меня был словарь, составленный первоcontactником, но он оказался довольно отрывочным в...

— Кто этот первоcontactник?

— На словаре указано имя «Андре Буллон».

— О... не родственник ли Верховного комиссара Буллона?

— Не знаю.

Стетсон что-то нацарапал у себя в бумагах.

— И в отчете первоcontactника говорится, что это совершенно особенное место, мирная планета с примитивной земледельческо-охотничьей экономикой, так?

— Верно.

— Ага. А что еще ты привез с собой в этот цветущий сад?